

Встреча с эмиграцией

*ИЗ ПЕРЕПИСКИ
ИВАНОВА-РАЗУМНИКА
1942–1946 ГОДОВ*

*Публикация,
вступительная статья,
подготовка текста
и комментарии
Ольги Раевской-Хьюз*

*МОСКВА – ПАРИЖ
РУССКИЙ ПУТЬ – YMCA-PRESS
2001*

ББК 83.3(2Рос)6
В 85

ISBN 5-85887-103-8

Федеральная программа книгоиздания России

Дизайн Ирины Антоновой

- © О. Раевская-Хьюз, составление,
вступительная статья, комментарии, 2001
- © И. Антонова, дизайн, 2001
- © Русский путь, 2001
- © УМСА-Press, 2001

РЕМИЗОВЫ

Знакомство *Алексея Михайловича* (1877–1957) и *Серафимы Павловны* (1876–1943) Ремизовых с Ивановым-Разумником относится к тому времени, когда Ремизов потерял постоянную должность в редакции «Вопросов жизни» в связи с прекращением издания журнала в конце 1905 г. Для Ремизова это было трудное время многочисленных попыток найти постоянный заработок и поисков всевозможной работы. Одним из активных помощников в поисках работы был Иванов-Разумник («Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но работа эта скоро кончилась» (Кукха. Берлин, 1923. С. 49)). Через несколько лет Иванов-Разумник сыграл решающую роль в преодолении Ремизовым еще более значительного кризиса.

Книгу «Встречи. Петербургский буерак» (Париж, 1981) Ремизов начинает со своих неудач и трудностей с издателями и неприятием широким кругом читателей. Кульминация этого повествования, первой главы книги, «На большую дорогу», — рассказ об обвинении его в плагиате. Этот эпизод наиболее полно освещен в публикации Е. Р. Обатниной «Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову» (Рус. литература. 1995. № 3. С. 157–209). В приложении к этой ценной публикации напечатаны опровержение М. М. Пришвина «Плагиатор ли Ремизов?» (Слово. 1909. 21 июня), появившееся через несколько дней после обвинения (*Миров М.* Писатель или списыватель? // Биржевые ведомости. 1909. 16 июня) и письмо в редакцию самого Ремизова, излагающее принципы обработки фольклорного материала (Рус. ведомости. 1909. 6 сент.). В главе «На большую дорогу» Иванов-Разумник появляется как человек, сразу оказывающий и моральную и материальную поддержку. («Помню Р. В. Иванов-Разумник 3 рубля дал — зелененькую, никогда не забуду» (Кукха. С. 82)). К эпизоду с плагиатом Ремизов возвращался неоднократно. В книге «Кукха» дана сгущенная версия — без опровержений, но с упоминанием помощи Иванова-Разумника, в частности поездки Ремизовых летом 1910 г. к Ивановым «на необитаемый остров Вандрок (Аландские острова)» (Там же.

С. 84; в тексте ошибочно указан 1909 г.). В дальнейшем при содействии Иванова-Разумника выходит повесть Ремизова «Крестовые сестры», начало работы над которой было знаком преодоления кризиса лета 1909 г. (Встречи. С. 23, 31, 35, а также: *Данилевский А. А.* «A realioribus ad realia» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 1987. С. 99–123. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 781); ср. надпись Ремизова Серафиме Павловне на французском переводе «Крестовых сестер»: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 182 и 184). Летом 1909 г. (23 июня–7 июля) Ремизовы путешествовали с семьей Иванова-Разумника по Волге (Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 35, ссылка на: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 12).

Ремизов посвятил Иванову-Разумнику рассказ «Властелин» (Утро России. 1909. № 32), включенный в седьмой том «Собрания сочинений» и затем неоднократно перепечатывавшийся. Иванов-Разумник — постоянный персонаж во «Взвихренной Руси», в хронике 1917 г. он появляется многократно и во сне и наяву.

В «Заветах» печатались рассказы Ремизова (1912. № 9; 1913. № 3 и 12), вошедшие в сборники «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915) и «Среди мурья» (1917).

Иванов-Разумник был одним из первых значительных критиков, высоко оценившим творчество Ремизова. В «Заветах» (1912. № 8) была напечатана его статья «Черная Россия: “Пятая язва” и “Никон Староколенный”», позднее включенная в сб. «Заветное». В большой статье «Творчество А. Ремизова», написанной в 1910–1911 гг. и вошедшей во второй том («Творчество и критика») его «Собрания сочинений», Иванов-Разумник очень тонко, внимательно и верно пишет о Ремизове. В заключение он суммирует путь Ремизова-художника, прошедшего через «декадентство»: «Все завоевания его он сохранил и удержал, во многом сам проложил вперед дорогу, но он сумел преодолеть в своем творчестве все то, что привело в конце концов “декадентство” к вырождению и оскудению. В стиле и манере “Пруда” пишут теперь только эпигоны декадентства <...> И как раз в это самое время тонкий и глубокий художник, А. Ремизов, сознательно идет к все большей и большей, безмерно более трудной простоте линий и формы» (с. 109). В характеристике Ремизова как писателя Иванов-Разумник выделяет основную антитезу его творчества: «Но и теперь уже ясен

облик этого художника, так любовно ищущего старых и новых слов, так горько ненавидящего мир и жизнь, так искренне благословляющего и мир и жизнь великим благословением» (там же).

Резкое различие в отношении к революции привело к кризису отношений Ремизова с Ивановым-Разумником. 20 октября 1917 г. Ремизов записывает в дневнике: «В 12 ночи разговаривал с А. А. Блоком: ему кажется все таким мирным. Говорил и с Разумником. Смещение тьмы и пожеланий благих» (Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. 1994. № 16. С. 469). В это время Иванов-Разумник редактировал сборники «Скифы». В первом номере была напечатана «Ясня: Русалия в 3-х действиях», а во втором (1918) «Gloria in excelsis» и «Слово о погибели русской земли» (см.: Субботин С. И. Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 154–156), а вслед за ним отповедь Иванова-Разумника, статья «Две России», где, среди прочего, он писал: «Слово это идет к нам с “этой” стороны, с “этого” берега пропасти, где плотно затерт автор его в толпе озлобленных и перепуганных революцией всесветных мещан. И с какой же радостью, с каким восторженным “обезьяним гиком” встретят они это “Слово”, где в крестную могилу преданной мещанами революции он так рачительно вбивает осиноый кол!» (Скифы. Сб. 2. С. 207). В январе 1918 г. Ремизов записывает в дневнике: «Был Разумник — битва под Разумником» (с. 472). А. М. Грачева комментирует эту запись как конфликт в связи с публикацией «Слова» и статьи «Две России» и, в частности, цитирует письмо З. Н. Гиппиус по этому поводу: «То, что сделал с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела “Ск<ифы>”, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил» (Минувшее. № 16. С. 530; см. первую публ.: *Lamp! N. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 1. 1978. Примеч. 29*). Во «Взвихренной Руси» столкновение с Ивановым-Разумником лишено личных черт, но выражает суть конфликта. Здесь оно — часть бреда автора во время болезни: «Не берите руками горящие предметы, горячо, обожжетесь! — Но моего голоса не слышно. — А Иванов-Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь! на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль,

в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья — <...> Да, как сохлые листья в помойку! — повторяю я, и обида душит меня, — погубили Россию! Последние головни горят. И осталось русское сердце — сапогом его! — и слово — да чорта с этим словом, пиши и говори по-тарабарски! Кара? Нет, это суд Божий» (Взвихренная Русь. Париж, 1927; цит. по репринт. переизд. 1979 г. С. 211–212; см. также: Огневица // Огненная Россия. Ревель, 1921). О совместной работе, дружбе и расхождении Ремизова с Ивановым-Разумником см.: *Lamp I. N. Remizovs Petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 10. 1982*, а также: *Грачева А. М. «Слово о гибели русской земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 196–207.*

Во время войны Ремизовы оставались в Париже; ко времени начала переписки шел второй год оккупации: «Идет война, Париж оккупирован, алерты и бомбардировка — нельзя привыкнуть и наладиться, а изволь! Место действия наш дом на улице Буало, квартира без отопления и темно — четыре года (1939–1944) и с каждым годом вхирь и убыль» (Мышкина дудочка. Париж, 1953. Предисловие. С. 5). Следует добавить, что все эти годы болела Серафима Павловна и в связи с этим Ремизовы не спускались в бомбоубежище, а также все хозяйственные заботы легли на Алексея Михайловича. О безусловно добрых отношениях между Ремизовыми и Ивановыми в период переписки свидетельствует упоминание Ремизовым Ивановых («И Иванов-Разумник с Варварой Николаевной») среди друзей, которыми больная Серафима Павловна в своих мечтах наполняла дом (В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 339). О жизни Ремизовых в Париже во время войны см.: «Мышкина дудочка» и «Сквозь огонь скорбей» в кн. «В розовом блеске»; а также: *Резникова Н. В. Огненная память. Berkeley, 1980.*

* * *

В собрании *АИШ* находится четыре письма и две открытки от Ремизовых к Р. В. и В. Н. Ивановым. Первые пять написаны между 20 апреля и 16 июля 1942 г. Письмо от 18 мая, а также приписка к перво-

му письму от 20 апреля написаны С. П. Ремизовой. Хотя после первого обмена письмами и сведениями Ремизов стал писать реже (судя по сетованиям в открытках Иванова-Разумника), нет сомнения, что не все его письма сохранились в собрании *АИШ*. Последнее письмо от 5 июня 1946 г. (см. наст. изд., «Эпилог»), вероятно, было получено во время последней болезни или уже после смерти Иванова-Разумника.

В архиве Ремизова в Amherst Center for Russian Culture находится 17 писем Р. В. и В. Н. Ивановых к Ремизовым. Одно из них (от 29 сентября 1942 г.) написано В. Н. Ивановой и обращено к С. П. Ремизовой. Письма с июня по конец сентября, в связи с требованиями администрации лагеря, написаны по-немецки. Письмо от 8 мая 1946 г. отнесено в «Эпилог». Письма Иванова-Разумника Ремизову от 27 мая (№ 7) и 21 октября (№ 13) были опубликованы (с некоторыми неточностями в прочтении текста) David Lowe в «Russian Literature Triquarterly» (1974. № 8. С. 495–501). Все письма Иванова-Разумника Ремизовым вошли в публикацию: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 19–147.

Приношу благодарность Amherst Center for Russian Culture и его директору проф. S. Rabinowitz за предоставление нам этих писем для публикации.

1. А. М. и С. П. Ремизовы — Иванову-Разумнику

20.IV.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Как взволновало нас Ваше имя. Столько лет кануло (двадцать и один год за границей)¹. Часто Вас вспоминали, а написать Вам как было? В нашей тягостной, трудной жизни при этой вести что-то изменилось: я стал гадать, как напишу Вам, а может, и встретимся. Откликнитесь! Удавалось кое-что читать Ваше и храним одну Вашу книгу, берлинское издание «Русская литература»², она у меня рядом с «Geschichte der russischen Literatur» Лютера³. Напишите ему: Dr. Arthur Luther, Leipzig O.27, Bozener Weg 10. Нет ли вестей о М. М. Пришвине?⁴

Как Ваше здоровье? На чем остановились в ваших исследованиях? И есть ли возможность продолжать Вашу работу?

Алексей Ремизов.

Дорогой Разумник Васильевич, как взволновало нас известие о Вас, теперь будем ожидать Вашего письма. А. М. наверху написал наш адрес. Часто вас вспоминали за эти двадцать лет, и как жили у Вас на Вандроке⁵, и Варвару Николаевну.

Все расскажем Вам постепенно, только бы получить от Вас письмо. Шестов умер⁶, с ним тоже о Вас вспоминали.

Христос Воскресе, дорогой Разумник Васильевич, еще можно христосоваться⁷. Ждем письма ответного, всего доброго,

С. Ремизова.

Письмо. Автограф. Письма Ремизовых написаны по старой орфографии. Обращение и подпись с росчерком написаны ремизовским «парадным» почерком. Приписка С. П. Ремизовой начинается на той же странице. Над текстом вписан адрес: «Alexei Remizoff, 7 Rue Voileau, Paris XVI». Здесь, как и на остальных русских письмах в этом разделе, кроме писем 2 и 3, помета: «In russischer Sprache». Письма 20 и 21 помечены «Russisch».

¹ Ремизовы уехали из Петрограда в Берлин в начале августа 1921 г.

² *Русская литература* от семидесятих годов до наших дней. 6-е изд., перераб. Берлин: Скифы, 1923.

³ *Артур Лютер* — один из переводчиков Ремизова на немецкий язык (*Legenden und Geschichten*. Leipzig: Kurt Wolff Verlag, 1919). См. его письма в «Эпilogе», а также примеч. 13 к письму 2 Иванова-Разумника Степуну.

⁴ *Михаил Михайлович Пришвин* (1873–1954) — писатель-прозаик. До революции близкий друг и, по его собственным словам, ученик Ремизова, с кем познакомился в 1907 г. Работавший агрономом, Пришвин начал печататься сравнительно поздно, поддержка Ремизова сыграла здесь значительную роль: «В то время, не мечтая о

художественной литературе, я занимался пешим хождением по стране с целью записывания фольклора. Мои записи народных сказок чрезвычайно понравились Ремизову» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С. 67. Дневниковая запись 6 марта 1945 г.). Пришвин был одним из близких Иванову-Разумнику писателей, первая статья о нем как о крупном писателе была написана Ивановым-Разумником (Великий Пан // Речь. 1911. 24 янв. № 23; *Иванов-Разумник*. Творчество и критика. С. 24–48). Пришвин, как и Иванов-Разумник, активно помогал Ремизову, когда он был обвинен в плагиате (см. вступ. заметку к письмам Ремизовых). Оба писателя печатались в «Заветах» (см. вступ. статью), затем сотрудничали в «Воле народа», в прило-

жении к которой «Россия в слове», выходявшем под редакцией Пришвина, было впервые опубликовано «Слово о гибели русской земли» Ремизова (см. вступ. заметку к письмам Ремизовых). В 1917 г. Ремизовы и Пришвин были близкими соседями на Васильевском острове. Во «Взвяхренной Руси» Пришвин — постоянный спутник революционного года, он появляется в снах и наяву («Сосед Пришвин» или «Борода увлекающаяся»). Пришвин сохранил добрую память о Ремизове, что отражено в его дневниковых записях. «Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 67. Запись 6 мая 1926 г.). Он очень пронизательно характеризует Ремизова как писателя и главу так называемой ремизовской школы: «Самому Ремизову чего-то не хватало, чтобы самому писать, как хотелось, просто, он был похож на скифа, делающего себе карьеру при византийском дворе. <...> Из больших писателей, мне кажется, Ремизов глубоко любил и признавал только Розанова <...> Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты. <...> Было много и других учеников у Ремизова, и все, кто чему-нибудь научился у Ремизова, сделались в писаниях своих почти прямо противоположными его собственным писаниям. Столбовую задачу Ремизова я бы теперь характеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито мистических религиозно-философских посягательств на него со стороны кружка Мережковского, с другой — тенденциозно-гражданских влияний не умершего еще тогда народ-

ничества» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 67. Дневниковая запись 6 марта 1945 г.). Ремизов писал о Пришвине: «Пришвин, во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель России. И как это странно сейчас звучит, этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир с цветами и звездами и что недаром звери, когда-то тесно жившие с человеком, отпугнулись и боятся человека, но что есть еще в мире простота, детскость и доверчивость — жив «человек»» (Встречи. С. 271). Однако в конце жизни, читая последние книги Пришвина, Ремизов был обижен старым другом. В очерке 1943 г. «Город света», отдавая дань роли Петербурга как началу его литературного пути, Пришвин упоминает весну 1917 г.: «Этой необыкновенной весной я закончил весь свой петербургский период жизни (1905–1917), определивший всю мою литературную деятельность» (Дорога к другу. М., 1957. С. 33), не упоминая имени Ремизова. Н. В. Резникова цитирует запись на полях этой книги, продиктованную Ремизовым незадолго до смерти: «Шишков, Пильняк, Алексей Толстой — не боялись. М. М. <Пришвин> — пугливый» (Огненная память. С. 84). В разговорах с Кодрянской Ремизов снова возвращается к Пришвину: «Мое словесное он не понял. В предисловии к одной из своих книг «Кладовая солнца» он упрекал меня чуть ли не в словоблудии. Как мне хотелось ответить на это Пришвину» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 322. Запись 31 августа 1957 г.). И еще одна запись за две недели до смерти: «Я их всех вижу. Замятин, Шишков, Добролюбов, Пришвин и петушком перед

ними Иванов-Разумник (эту мою мысль надо продолжить). <...> Самым трагичным оказался Замятин и Пришвин» (там же. С. 327). О творчестве Ремизова и Пришвина см.: *Дворцова Н. П. М. Пришвин и А. Ремизов: К истории творческого диалога // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. № 2. С. 27–33.*

⁵ По-видимому, совместное пребывание на острове Вандрок летом 1910 г. сохранилось в памяти всех участников. Надписывая Серафиме Павловне французский перевод кн. «Крестовые сестры» (*Sœurs en croix*. 1929), Ремизов вспоминал: «Я вспоминаю мою болезнь, санаторию Волковой и о. Вандрок у Иванова-Разумника, и перелом нашей жизни: переезд из Казачьего на Таврическую» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 182–183.*) О пребывании на о. Вандрок Ремизов также вспоминает в «Сквозь огонь скорбей»: «Мы жили на Оландских островах: Остров Вандрок — северная хмурая пустыня: скалы и море» (В розовом блеске. С. 309). А в ЗК Иванов-Разумник отмечает под 12 июня: «Ураганный ветер с востока! Холод (для июня) — десять градусов. Такого лета не было у нас и на Вандроке в 1911 году» (Дата — видимо, ошибка памяти Иванова-Разумника: лето 1911 г. он проводил в Териоках, см.: Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 55).

⁶ *Лев Исаакович Шестов* (1866–1938) — философ. Шестов и Ремизов встретились в Киеве в 1904 г. и сохраняли дружеские отношения до конца. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская лите-

ратура. 1992. № 2, 3, 4; 1993. № 1, 3, 4; 1994. № 1, 2. Ремизов писал о Шестове неоднократно. Первая статья «По поводу книги Льва Шестова “Апофеоз беспочвенности”» была напечатана в «Вопросах жизни» (1905. № 7), а затем включена в кн. «Крашенные рыла» (Берлин: Грани, 1922); последняя «Памяти Льва Шестова» вышла в «Последних новостях» (№ 6451) 24 ноября 1938 г. (Шестов умер 20 ноября; этот некролог включен в книгу «Встречи», с. 267–269). Лев Шестов был другом, советником и помощником в практических делах, к которому Ремизовы обращались на протяжении всей жизни. Как видно, Шестов не обижался на ремизовские шутки и розыгрыши, так как он постоянный персонаж ремизовских снов. Иванов-Разумник посвятил Шестову значительную часть своей книги «О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов» (2-е изд. СПб, 1910. Репринт: Litchfield: Bradda Books Ltd., 1971. Introduction by P. D. Rayfield). О Шестове см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Paris: La Presse Libre, 1983; Bibliographie des œuvres de Léon Chestov. Paris, 1975; Bibliographie des études sur Léon Chestov. Paris, 1978; а также: Данилевский А. А. А. М. Ремизов и Лев Шестов // Пути развития русской литературы. Литературоведение. Труды по русской и славянской филологии. Tartu ülikooli Toimetised. Tartu, 1990. С. 139–156.*

⁷ В 1942 г. Пасха совпадала по восточному и западному исчислению и приходилась на 5 апреля (23 марта ст. ст.). В православной Церкви «Христос Воскресе» поют на всех богослужениях до отдания Пасхи — кануна праздника Вознесения, то есть в течение 39 дней.

2. Р. В. и В. Н. Ивановы — А. М. и С. П. Ремизовым

1 мая 1942

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович — воистину воскресе! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я очень обрадовались весточке от Вас, и если я сегодня еще не пишу Вам большого письма, то лишь потому, что хочу первой ласточкой послать эту открытку: дойдет — тогда напишу Вам большое, настоящее письмо, и даже пошлю «Eingeschrieben» <«заказное». — Нем.>.

А пока — жду от Вас только хотя бы открытки с известием, что эта моя открытка Вами получена. Но еще лучше — если напишете подробно: ведь Ваше письмо дошло же! И шло не очень долго: с 21 по 30 апреля. Значит — жду!

Да, воистину воскреснем мы теперь друг для друга, — ведь больше двух десятков лет были отрезаны, и без всякой надежды не то, что увидеться, но даже списаться. Война решила иначе. Из Царского Села нас с Варв<арой> Ник<олаевной>, в качестве Volksdeutsch'ей (ведь В. Н. — «geboren Ottenberg») эвакуировали в Кониц, где пока находимся в карантине. Дальнейшее пока неизвестно, но надеемся на лучшее, — по крайней мере на отдых после многих лет моих тюрем и ссылок в СССР. Всего сразу не расскажешь! — Вот и о Мих. Мих. Пришвине расскажу Вам чудеса (я жил у него в Москве в 1940 году)¹. Да и от Вас и про Вас надо столько узнать! Пока списался только с милейшим Серг<еем> Порф<ирьевичем>², который отнесся к нам, как к родным и глубоко нас тронул.

А весточка от Вас — большая радость: ведь воистину воскресли мы друг для друга! Пишите!

Ваши В. Н. и Р. В. Ивановы.

Открытка. Автограф. Приписка даты получения: 15.V.

¹ В книге «Тюрьмы и ссылки» (с. 211–212), описывая отношение большинства друзей и знакомых в период его ссылки, Иванов-Разумник выделяет Пришвина как истинного друга, кото-

рый познается в несчастьи: «Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и в Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-ни-

будь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще существую в сем “физическом плане” — и не могу умолчать об этом». (В тексте даны только инициалы Пришвина «М. П.»). Дневник Пришвина за 1936 г. («Жизнь стала веселей...»: Из дневника Пришвина 1936 года / Вступ., подгот. текста, коммент. и публ. Л. А. Рязановой // Октябрь. 1993. № 10. С. 3–21) несколько проясняет отношения Иванова-Разумника и Пришвина. 26 февраля запись заканчивается: «Приехал Разумник <после окончания саратовской ссылки>». Следующей неделе (26 февраля — 3 марта) уделена короткая запись: «Продолжаю болеть гриппом и всю неделю с утра до ночи проговорил с Разумником» (с. 9). И далее: «Разумник со времен “Заветов” не сказал ни одного одобрительного слова о моих вещах, написанных при советской власти: он ревнует. Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал меня и не понимает, о чем я пишу <...> Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы...» (с. 9. Запись от 4

марта). Однако через несколько дней Пришвин находит другую причину молчания Иванова-Разумника: «Наконец-то ночью, почти во сне догадался о причине молчания Разумника о всех моих писаниях при советской власти. Единственное слово, которое мог бы он сказать, — это: “подкоммунивает”. Неужели и я тоже, как все, только с той разницей, что, указывая на “бревна” в глазах других, не хочу замечать сучки в своем» (с. 9). И еще через несколько месяцев: «Приехал Р. В. Иванов <...> Вообще Иванов-Разумник похож на шило, которое нельзя в мешке утаить. Так и прет из него начинкой старой русской интеллигенции. Он никогда не поймет, что большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний, что Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас непременно приведены бы были к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения, потому что кругом никто государственных обязанностей к нему выполнять не хочет, всякий хочет быть “сам по себе”» (с. 14. Запись от 9 сентября).

² С. П. Постников — см. его письма в наст. изд.

3. Иванов-Разумник — А. М. и С. П. Ремизовым

4 мая 1942

Дорогой Алексей Михайлович, — посылаю эту открытку вдогонку первой, которую послал 1 мая (Ваше письмо получил 30.IV), — и вот почему:

Написал мне из Anglet Георгий Иванов¹ с просьбой ответить; я и ответил, но открытка моя, прогуляв 10 дней, сегодня вернулась ко мне обратно, ибо была недостаточно оплачена (без дополнительных марок). Боясь, что и мою открытку от 1 мая² к Вам постигнет та же участь, сегодня пишу вторично и наклеиваю лишние марки. Повторяю и то, что сказал в первой открытке:

Дорогой Алексей Михайлович, — вот уж порадовали своим письмом! «Невероятное здесь совершается», — кто бы мог поверить этому еще год тому назад! Пишите побольше о себе и обо всех; — как только увижу, что письма доходят — напишу Вам обстоятельнейше. И о Мих. Мих. Пришвине расскажу — чудеса!³

Дорогая Серафима Павловна — воистину воскрес!

И Варв<ара> Ник<олаевна> и я радуемся возможности возобновить с Вами пока хоть письменную связь, а потом — кто знает! может быть и встретиться!

Буду ждать ответа на обе, или хотя бы на одну из этих открыток; как только получу ответ — сразу напишу Вам уже не «открытку», а «закрытку». Адрес наш будет действителен, по всей вероятности, еще месяца полтора-два, если не больше⁴. Пишите!

А все-таки хорошо, что мы все четверо исполнили пушкинский завет и «постарались быть живы»!⁵

Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Приписка даты получения: 15.V.

¹ См. письма Г. Иванова.

² См. письмо 2 Ивановых Ремизовым.

³ См. письмо 5 Ремизовой Ивановым.

⁴ Ивановы оставались в Конице до конца февраля 1943 г., когда были переведены в лагерь в Штаргарде, откуда только в августе смогли уехать

к родственникам в Литву. См. ниже письмо 17 Иванова-Разумника Ремизову.

⁵ Слегка измененная цитата из письма Пушкина П. А. Плетневу в ответ на сообщение о смерти А. А. Дельвига: «Будь здоров — и постарайся быть живы» (письмо от 21 января 1831 г.)

4. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

16.V.1942

Paris

Дорогой Разумник Васильевич,
вчера ваше письмо (1 мая — 4 мая) получили: обе открытки¹. Собрался в библиотеку, да с утра дождь — тихий, пришвинский, я боюсь замочить книгу.

Хотел вас спросить, а для этого надо ваше о Аполлоне Григорьеве². Я верю, мы увидимся, больше: мой рассказ вы возьмете и напечатаете³.

За эти годы я чувствовал себя или как новичок или в звании «иногороднего сотрудника»⁴.

А как М. М. Пришвина калечили, — приходилось читать.

Оба кланяемся Варваре Николаевне и вам, Разумник Васильевич.

Алексей Ремизов.

Открытка. Автограф. Написано «парадным» почерком Ремизова.

¹ Письма 2 и 3 наст. изд.

² Ремизов имеет в виду издание «Воспоминаний» Аполлона Григорьева, вышедшее под редакцией и со вступительной статьей Иванова-Разумника в изд-ве «Academia» в 1930 г.

³ См. вступ. заметку к письмам Ремизова.

⁴ См. главку «Писатель» в кн.: *Ремизов А. Иверень* / Ред., послесл. и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. (Modern Russian Literature and Culture. Vol. 7). С. 11–15; а также: *Резникова Н. В.* Огненная память. Гл. «Образ Ремизова, им самим создаваемый».

5. С. П. Ремизова — В. Н. и Р. В. Ивановым

18 мая 1942

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, мы хотим, чтобы вы к нам приехали, по всему видно Вам удобнее к нам приехать, а уж как мы обрадуемся. Прямо к нам на нашу улицу Voileau¹. Вот я

хочу знать обо всем — Лева² был тихий мальчик, а Инночку³ я помню на балконе в Териоках, тогда еще маленькую — она уже большая! Помню, мать Блока⁴ мне говорила, что ваши дети красивые. А где Оленушка? такая моя любимая, и Иринушка?⁵ Помню у нас застала Оленушку и Иринушку Мне Матюшина, Елена Гуро, которая была в загробной связи с Вильгельмом Нотенберг⁶, и ей понравилась Иринушка, а не моя Оленушка.

Отчего же умерла Л. Д. Блок?⁷ Я о ней много думала и думаю. Встречали ли Вы Евгению Федоровну Книпович⁸, напишите. Знайте, что мы будем прямо счастливы, если вы к нам приедете. Хотя немножко спросила, а всего так много накопилось, будем говорить друг с другом. Приезжайте к нам, мы вам покажем коробочку с русской землей, Яков Петрович Гребенщиков⁹ принес перед отъездом, теперь уже он покойный, письмо от него получено было незадолго из Сибири. Приезжайте, мы друг для друга воскресли, еще пасхальная служба в церкви идет.

С. Ремизова.

Письмо. Автограф.

¹ Последняя и наиболее известная квартира Ремизовых (7, rue Voileau, Paris XVI), где они жили с 1933 г., это квартира «Мышкиной дудочки» и «Сквозь огонь скорбей».

² Лев Разумникович Иванов (1904–1938) — сын Р. В. и В. Н. Ивановых, см. письмо 12 Ивановой Ремизовой, а также «Эпилог».

³ Ирина Разумниковна Иванова (1908–1996) — дочь Р. В. и В. Н. Ивановых, см. письмо 12 Ивановой Ремизовой и «Эпилог».

⁴ Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, 1860–1923).

⁵ О племянницах В. Н. Ивановой см. ее письмо 12 Ремизовой.

⁶ Елена Гуро (1877–1913) — писательница, участница футуристического «Садка судей». Вильгельм Нотен-

берг — одно из имен мифического сына Гуро, кому она посвящала свои произведения. По воспоминаниям мужа Гуро, М. В. Матюшина: «“Образ бедного рыцаря, “небесного верблюжонка”, — воплотившийся у Гуро в образ человека, — не имеет ничего биографического, этот образ — резервуар ее мечты; она создала его из тончайших ощущений, идущих прямо от природы, от земли” (цит. по записи А. Г. Островского из неизданной книги “Футуристы”))» (цит. по: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 645, примеч. 13). См. также: Капелюш Б. Н. Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома, 1974. Л., 1976. С. 3–23; Эндер З. История рукописи неизданного произведения Е. Гуро «Бедный рыцарь» // Elena Guro:

Selected Prose and Poetry. Stockholm, 1988. С. 111–130; *Мицз* З. Г. Неопубликованное произведение Е. Гуро «Бедный рыцарь» // *Russian Literature*. 1991. № 29. С. 1–24; *Топоров В. Н.* Миф о смерти юноши-сына: К творчеству Елены Гуро // *Михаил Кузмин и русская культура XX века*. Л., 1990. С. 75–85; и *Он же*. Елена Гуро: миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении // *Серебряный век в России*. М., 1993. С. 221–260; а также: *Kevin O'Brien*. Guro's Sons // *Europa Orientalis*, 13. 1994. № 1. С. 77–83.

⁷ *Любовь Дмитриевна Блок* (урожд. Менделеева, 1881–1939) — жена А. А. Блока, скоропостижно скончалась 27 сентября 1939 г. См. ее воспоминания: *Были и небылицы* / Подгот. текста И. Паульманн; Предисл. и коммент. Л. С. Флейшмана. Bremen: K. Presse, 1977; *Блок А.* Письма к жене. 1978. (Литературное наследство. № 89). См. также: Незаконченный очерк Д. Е. Максимова / Предисл., публ. и примеч. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 35. С. 250–280.

⁸ *Евгения Федоровна Книпович* (1898–1988) — литературовед, кри-

тик. Автор исследования «Блок и Гейне» и других статей о Блоке. См. ее книгу: *Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии*. М., 1987. О деятельности Книпович как рецензента-референта см.: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 552–553, примеч.

⁹ *Яков Петрович Гребенщиков* (1887–1935) — библиофил, работал в Публичной библиотеке в Ленинграде. Умер в ссылке в Алма-Ате 25 января 1935 г. На известие о смерти Гребенщикова отзывается Д. М. Пинес в письме А. Н. Римскому-Корсакову: «Смерть Якова Петровича, о которой Вы упоминаете, тоже огорчила меня. Я не знал, что он умер вне Ленинграда и об этом узнал только из Вашего письма. Это был своеобразный человек и приметный: немного таких ходит среди нас. Жаль только, что жил он последние годы горько и тяжело» («De profundis»: Письма Д. М. Пинеса к А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. М. Д. Эльзона // *Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов*. СПб., 1994. Вып. 4. С. 139 и 155, примеч. 30). В «Последних новостях» (1935. 9 мая. № 5159) Ремизов напечатал некролог Гребенщикова, включенный в книгу «Встречи» (с. 264–266).

6. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

19.V.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Вчера выбрался в библиотеку. Школа восточных языков¹; с 1924 г. Серафима Павловна читала курс славяно-русской палеографии, с 1940 лекции временно прекращены. В Школе библиотека,

«Эпохи»², конечно, нет, а случайно (из Онегинского собрания)³ статьи А. Григорьева. Вы думаете, что А. Григорьев не заметил Вагнера (с. 661)?⁴ В «Эпохе» янв.-февр. 1864 г. в статье «Русский театр» начинается: «Я вагнерист...». Стр. 433–438 о Вагнере⁵.

А может быть, Вы читали что-нибудь против. Здесь так мало русских книг, а особенно журналов, в Берлине не сравнить. Обещают «Воспоминания» Н. И. Греча с Вашими замечаниями⁶. А что слышно о «обезьяньем кодификаторе» (урядник) М. М. Исаеве?⁷ И Маргарита Борисовна?⁸ Она научила меня «варить» кофе, а довершил я мою кофейную науку в Обераммергау на «Страстях»⁹. Теперь одни воспоминания, беру по утрам в «бистро» что дадут, тоже и с табаком, в трудные времена в России курил шалфей, а здесь горькая полынь — в глазах дымится.

«Тысяча и одна ночь», тут все было, но нам удалось прочитать только пять¹⁰, а Чумандрин¹¹ не дошел. А Святополк-Мирский где?¹² Как это он для «безобразия» забыл Чумандрина включить в свою историю литературы.

И до чего тихо в Париже, только часы и собаки. Не узнать было бы Гоголю этой когда-то «ярмарки Европы»¹³. А какие были ночи, я помню из ночей ночь, два года будет, а не могу позабыть, — в покинутом Париже после черного дождя, звездная, а в межзвездье круть — поднялась и носились вихри с Монмартра над Сеной, над миллионным покинутым Парижем, я не спал, все слушал, различая голоса сквозь вой и визги — Рабле, его звенящий мат, и трепет Бодлера и вдруг (из Бориса Годунова) Шаляпин: «Душа моя скорбит»¹⁴. Этой ночи конца не было.

Алексей Ремизов.

Кланяюсь Варваре Николаевне.

В «Тысяче и одной ночи» я отмечал превращения, нашел и у нас: Сомов, Вель<т>ман, Луганский¹⁵. А потом тычась в очередях среди бешеных баб, всегда держу на языке: «Слушаю и повинуюсь»¹⁶ — заклинание на человеческий огрыз и шип.

Письмо. Автограф. Подпись с росчерком.

¹ Ecole nationale des langues orientales vivantes.

² «Эпоха» — литературно-политический журнал «почвеннического» направления, выходил в Петербурге в 1864–1865 гг., издатель-редактор М. М. Достоевский, впоследствии Ф. М. Достоевский. Аполлон Григорьев был постоянным сотрудником журнала.

³ *Онегинское собрание* — Александр Федорович Онегин (Отто, 1845–1925), создатель уникального Пушкинского музея в Париже, завещал свой музей Императорской Академии наук, оставаясь его пожизненным хранителем. Когда коллекция была отправлена в Пушкинский Дом, Школа восточных языков в Париже получила значительное количество книг-дубликатов Онегинской библиотеки. См.: *Апостол П.* Памяти А. Ф. Онегина // *Временник Общества друзей русской книги.* 1925. № 1. С. 71–73; *Гофман М. Л.* Существует ли неизданный дневник Пушкина? // *Новый журнал.* 1955. № 43. С. 256–264; *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год.* СПб., 1993. С. 307–316; а также: *Леонидов В.* О милом, радостном и скорбном старины // *Русская мысль.* 1997. 24–30 июля. № 4184.

⁴ «В музыкальных увлечениях Аполлону Григорьеву везло меньше, чем в литературных: он <...> восторгался Мейербером и итальянской оперой — и не заметил уже гремевшего тогда в Европе Вагнера» (*Иванов-Разумник.* Аполлон Григорьев: Вместо послесловия // *Григорьев А.* Воспоминания / Ред. и коммент. Иванова-Ра-

зумника. М.-Л.: Academia, 1930. С. 661).

⁵ В статье «Русский театр» Григорьев дает высокую оценку музыке Вагнера как выражению своего времени: «Вагнеризм <...> без его диких крайностей не только носится в воздухе, но положительно уж засел в нем». Он неоднократно употребляет в этой статье выражение «я вагнерист», например: «Как демократ я, разумеется, вагнерист; ибо принцип, что опера есть драма, принцип, которого Вагнер является высшим и притом чистейшим представителем в наше время — принцип демократический» (цит. по: *Григорьев А.* Русский театр. По возобновлению в первый раз (Посвящается гг. артистам Александринской сцены) // *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 401. После публикации в журнале «Эпоха» статья не переиздавалась, здесь напечатана в отрывках (с. 397–407)).

⁶ *Греч Н.* Записки о моей жизни / Текст по рукописи под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М. — Л.: Academia, 1930.

⁷ *М. М. Исаев* — участник ремизовского Обезвельволпала, его имя встречается в дневнике Ремизова и во «Взвихренной Руси». Ср.: «Понемногу вырабатывалась и “конституция” Обезвельволпала — главным советчиком был обезьяний “кодификатор” проф. уголовного права М. М. Исаев» (Кукха. С. 39). См. также: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // *Новое литературное обозрение.* 1995. № 14. С. 154–156), где содержание «России в слове» указывает две публикации легенд под именем М. М. Исаева.

⁸ *Маргарита Борисовна* — жена М. М. Исаева.

⁹ *Обераммергау* (Oberammergau) — деревня в Баварии, где в память избавления от чумы в 1634 г. раз в десять лет силами местных жителей устраиваются «Мистерии» — Страсти Христовы по Евангелию. Ремизовы провели лето 1922 г. недалеко от Oberammergau на Ammersee. См. описание М. Волошиным своей поездки в Oberammergau в 1900 г.: *Волошин М. В Обер-Аммергау // Путник по вселенным. М., 1990.*

¹⁰ *Книга тысячи и одной ночи*: В 8 т. / Пер. с араб. ориг. М. А. Салье; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л., 1929–1939. Ремизов откликается на рассказ Иванова-Разумника во втором очерке, напечатанном в «Новом слове» (17 мая), «Две жизни султана Махмуда», о судьбе основателя издательства «Academia» Кроленко, арестованного после выхода первого тома «Тысячи и одной ночи». См. наст. изд., приложение I, 2.

¹¹ *М. Ф. Чумандрин* (1905–1940) — советский писатель, в 1930–1931 гг. редактор журнала «Ленинград». Во втором очерке, напечатанном в «Новом слове», Иванов-Разумник упоминает «честного, но бесконечно бездарного пролетария Михаила Чумандри-

на, романы которого критика (печатно!) ставила выше “Войны и мира”» (наст. изд., приложение I, 2, с. 315), а в «Тюрьмах и ссылках», повестью о своей работе над подготовкой двенадцатитомного собрания сочинений Блока, называет имя Чумандрина как одного из литературных чиновников, кто настоял на изъятии из издания примечаний, «закрывающих в себе до пяти тысяч неизвестных строк из черновиков стихотворений Блока» (с. 82).

¹² *Д. П. Святополк-Мирский* — см. примеч. 1 к письму 2 архим. Иоанна (Шаховского).

¹³ «Вот он Париж <...> трепет и любимая мечта двадцатилетнего человека, размен и ярмарка Европы!» (*Гоголь Н. В. Рим: Отрывок*).

¹⁴ Не совсем точная цитата («Скорбит душа») из арии Бориса Годунова в третьем акте оперы (либретто М. П. Мусоргского).

¹⁵ *О. М. Сомов* (1793–1833); *А. Ф. Вельтман* (1800–1870); *Казак Луганский* — псевдоним *В. И. Даля* (1801–1872).

¹⁶ Фраза из «Тысячи и одной ночи». См., напр., «Рассказ про Ала-ад-Дина и волшебный светильник» (перевод М. Салье).

7. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

27 мая 1942

Дорогой Алексей Михайлович,

и я в свою очередь получил Вашу открытку (от 16 V)¹, — это дает мне надежду, что и настоящая «закрытка» дойдет до Вас; впрочем для большей верности пошлю это письмо заказным.

С чего начать — вот и не знаю: за те 20 лет, что мы с Вами не видались, целые Ниагары событий прошли перед нами. О себе рассказывать не собираюсь: в «Новом Слове» от 10 и 17 мая напечатаны два моих очерка, в первом из которых находится и краткая моя автобиография² — как раз за последние 20 лет. Рассказывать про общих знакомых — тоже не стоит: ведь еще лет пять тому назад жил-был у Вас Евг<ений> Ив<анович> Замятин³, рассказавший Вам, конечно, про все наши тогдашние новости, — и о том, что Вячесл<ав> Шишков женился <на> двоюродной молоденькой племяннице (брак оказался очень счастливым; но оба они теперь — в осажденном Петербурге)⁴, и о том, что Ольга Форш стала знаменитой писательницей и «орденоноской»...⁵ Но вот Вы в обоих письмах несколько раз упоминаете про Михалмихалыча Пришвина; о нем могу для начала рассказать такое, что Вам еще неизвестно.

Вы пишете: «как М. М. Пришвина калечили — приходилось читать». Не доумеваю, о чем речь и что Вы читали? О нем много вздора писали и пишут (например, в «Новом Слове» от 24 мая — совершенная ерунда)⁶. Сам себя он именует: «литературный боярин», но опальный. Опальный потому, что получил самый жалкий орден — «Знак почета», — в то время как другие его литературные сверстники (не говоря уж о молодежи) получили ордена высшей марки. Во всяком случае — он богат, благоденствует, имеет прекрасную квартиру в Доме Писателей (на Лаврушинском пер., против Третьяковской галлерей), имеет дом с большим садом в Троице (ныне — город Загорск). Ни разу не слышал от него, чтобы его «калечили» при печатании: и «Кашеева цепь»⁷ и позднейшие работы — прошли без всяких цензурных купюр⁸. Кстати, читали ли Вы последние его (и прекрасные) вещи: «Корень жизни», и «Неодетую весну» и «Фацелию»?⁹ Первая переведена на немецкий и английский языки, причем роскошное, «золотое» английское издание сопровождается предисловием проф. Гексли¹⁰, восторженно отзывающегося об этой книге (ее второе название — «Жень-Шень»). Так что вот: Михалмихалыч благоденствует, зарабатывает (т. е. теперь надо сказать — зарабатывал) тысяч 50–100 в год; несмотря на свои «под-семьдесят» (он родился в 1873 году) — очень бодр, по-прежнему — страстный охотник, делающий иной раз по 40 верст в день с ружьем в руке. Бодрость и молодость его проявились воочию, когда он два года тому назад влюбился — да еще как! развел-

ся с Ефросиньей Павловной¹¹ (большие трагедии были) и женился на сорокалетней, но весьма сохранившейся «Валерии-Калерии» (так он прозвал свою новую жену)¹². Все это происходило на моих глазах (я жил тогда в Москве), в первую половину 1940-го года. Молодожены безмерно счастливы, — по крайней мере были такими до начала войны, когда я получил от Михалмихалыча последнее письмо; они уезжали из Москвы на восток — куда-то на Алтай, чтобы пережить там «грозу военной непогоды»¹³.

Лист пришел к концу, надо и письмо кончать; пусть оно будет «пришвинским», а продолжение — в следующий раз; когда узнаю, что это мое письмо получили Вы благополучно.

Оба мы шлем приветы и кланяемся Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович.

Р. Иванов.

P.S. Отправляя это письмо — получил Ваше и Серафимы Павловны (от 19 мая)¹⁴; ответ — за мною, на-днях.

P.P.S. А где теперь наш «Сирин»? — не писатель Набоков, а Михаил Иванович?¹⁵ Если переписываетесь с ним — поклон ему от меня.

P.S. Получил письмо от Бор<иса> Зайцева¹⁶ и сегодня же отвечаю ему. За это время прочел кое-что и Ваше и его: Ваше — роман «С огненной пастью»¹⁷, его — «Золотой узор» и «Дом в Пасси». Много еще надо мне прочитать, чтобы «ликвидировать безграмотность» за 20 лет!

P.P.S. Из сегодняшнего «Нового Слова» узнал, что приехали Ната и Тата Гиппиус!¹⁸

Письмо. Автограф. Два первых постскриптума на первой странице письма, третий и четвертый на второй.

¹ Письмо 4 наст. изд.

² «Хождение над бездной» и «Две жизни султана Махмуда». В книге «Писательские судьбы» первый очерк на-

печатан вторым под заглавием «Несколько слов о самом себе (История тоже не без фантастики)». См. наст. изд., приложение I.

³ О *Е. А. Замятине* см. примеч. 3 к письму 1 Постникова.

⁴ *Вячеслав Яковлевич Шишков* (1873–1945) — писатель, до революции друг и ученик Ремизова. Их знакомство относится к 1912 г., когда в «Заветах» был напечатан первый рассказ Шишкова из тунгусской жизни «Помолились». О Ремизове Шишков писал в своей «Автобиографии» (1925 г.): «А. М. Ремизов наглядно учил меня, как надо писать, в чем секрет красоты стиля и душа языка. Его глубокие замечания впервые прозвучали для меня как откровение. Тому же самому, только иными словами, учили меня Р. В. Иванов-Разумник, М. М. Пришвин» (Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 23). Жена писателя — *Клавдия Михайловна Шишкова* (см.: Незабываемые годы, прожитые вместе // Там же. С. 130–151). С начала 1927 г. Шишков жил в Детском Селе в соседней квартире с Ивановым-Разумником. (См. воспоминания Н. Г. Завалишиной о дружбе с Шишковыми и о военных годах: В Детском Селе // Там же. С. 212–230.) В конце августа 1941 г. Шишковы переехали в Ленинград, где оставались во время блокады до 1 апреля 1942 г., когда были эвакуированы в Москву.

⁵ *Ольга Дмитриевна Форш* (урожд. Комарова, 1873–1961) — писательница, печаталась в «Заветах», участница Вольфилы. Ее книга «Сумасшедший корабль» (1931) — романизированное описание жителей Дома искусств в Петрограде. В 1939 г. была награждена орденом Трудового Красного Знамени (см. примеч. 2 к письму 3 Г. Иванова). См. о Форш: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). По рассказу Берберовой,

встреча с Ольгой Форш, приехавшей в Париж летом 1927 г., была явным свидетельством несвободы писателей в СССР. После встречи с Ходасевичем, другом и соседом по Дому искусств в Петрограде, Форш было официально (в советском посольстве) запрещено с ним встречаться (см.: Курсив мой. С. 266–267).

⁶ В статье «Евреи и русская литература» (Новое слово. 1942. 24 мая. № 41. С. 6) автор (И. Горский) писал о Пришвине: «Поистине трагична судьба замечательного русского прозаика, тончайшего художника слова Михаила Михайловича Пришвина. Его роман “Кашеева цепь”, являющийся изумительной поэтической хроникой жизни русского человека, был встречен еврейской критикой в штыки, усмотревшей в нем “идеализацию помещичьего уклада жизни”. Когда Пришвин выпустил свою последнюю книгу “Неодетая весна”, присяжные еврейские критики открыли по ней огонь, обвиняя писателя в “пантеизме и религиозной проповеди”. Пришвин был вынужден удалиться от этой травли в маленький городок Переяславль-Залесский и совершенно обособиться от литературной жизни». См. также ниже примеч. 8.

⁷ «*Кашеева цепь*» (1923–1954), автобиографический роман.

⁸ Вопреки утверждению Иванова-Разумника, цензурные трудности у Пришвина были. В комментариях к книге М. М. и В. Д. Пришвиных «Мы с тобой» (подгот. текста и коммент. Л. А. Рязановой. М., 1996) изложена история публикации книги «Лесная капля», которая, после переделок по требованию редакции, была принята к публикации в 1940 г. в «Новом мире», но на третьем выпуске публикация

была приостановлена и в следующем номере была напечатана статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой Пришвин был обвинен в аполитичности, «несвоевременном обращении к цветочкам и листикам». Его мировоззрение объявлялось «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства, жизнью» (с. 345). «Лесная капель» вышла три года спустя отдельной книгой в «Советском писателе». См. также: *Пришвина В.* Круг жизни. М., 1981. С. 131–134. Ср. запись Пришвина: «Ляля приехала из Москвы и рассказывала, как кромсали мою будущую “Фацелию”, имея в виду нравственный уровень современного читателя. Не доволен я ею — не сумела отстоять» (там же. С. 282).

⁹ «Корень жизни» («Жень-Шень», 1933), в 1935 г. по этой повести был снят фильм «Хижина старого Лувена»; «Неодетая весна» (1940), повесть; «Фацелия» (1940), поэма в прозе.

¹⁰ *Проф. Гексли* — в 1936 г. вышел английский перевод повести «Jen Sheng: The Root of Life» (London: A. Melrose Ltd., 1936), в переводе George Walton and Philip Gibbons и с предисловием *Julian S. Huxley* (1887–1975), известного английского биолога и писателя.

¹¹ *Ефросинья Павловна Смогалева* (1883–1953) — первая жена Пришвина.

¹² *Валерия Дмитриевна* (урожд. Лиорко, по первому мужу Лебедева, 1899–1979). В 1932 г. была сослана в Нарымский край, после ссылки работала на строительстве Московского канала (см.: Воспоминания о Михаи-

ле Пришвине. С. 188). Познакомилась с Пришвиным в 1940 г., когда стала работать как помощница Иванова-Разумника, жившего в то время у Пришвина и разбиравшего его архив. Первая встреча В. Д. с Пришвиным произошла в присутствии Иванова-Разумника: «Рядом <с Пришвиным> сидел Разумник Васильевич, измученный человек, но сохранивший, несмотря на все свои жизненные катастрофы, необычайный апломб: иметь при нем свое мнение решался, как я увидела после, один только Михаил Михайлович. Впрочем, он оказался в существе своем добряком, отмеченным двумя основными качествами (или слабостями): всезнанием и принципиальностью. Из-под черной профессорской шапочки на лысой голове был неподвижно направлен на меня огромный сизый нос, а косые близорукые глаза меня холодно изучали: я приглашалась ему в помощь» (Мы с тобой. С. 38).

¹³ С лета 1941 до осени 1943 г. Пришвины жили в деревне Усолье Ярославской области. О жизни Пришвина в эти годы см.: *Пришвина В. Д.* Встреча // Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 194–209.

¹⁴ Письма 5 и 6 наст. изд.

¹⁵ «Сирин»... не писатель Набоков <Сирин>, а Михаил Иванович — М. И. Терещенко (1886 или 1888–1956) — крупный сахарозаводчик; член IV Государственной Думы, министр финансов, а затем иностранных дел во Временном правительстве; вместе с сестрами основатель и владелец издательства «Сирин» (1912). Ср. в «Невском проспекте» Гоголя: «не тот Шиллер, который написал <...>, но

известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице».

¹⁶ См. письма Зайцева в наст. изд.

¹⁷ Вторая часть кн. «Оля» (Париж, 1927), публиковалась в «Воле России» в 1924 г., затем вошла в кн. «В розовом блеске».

¹⁸ Сестры З. Н. Гиппиус: *Татьяна Николаевна* (1877–1957) — художница и *Наталья Николаевна* (1880–1963) — скульптор. О знакомстве Т. Н. Гиппиус с Блоком и отражении ее работ в стихах Блока, а также о ее роли в отношениях А. Белого и Л. Д. Блок см. вступ. статью С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к

публикации «А. А. Блок. Письма к Т. Н. Гиппиус» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–217). После революции сестры оставались в Петрограде. Т. Н. Гиппиус участвовала в религиозно-философском кружке А. А. Мейера. Обе сестры были высланы в Новгород, где их застала война. Во время оккупации были отправлены в Германию, после окончания войны вернулись в Новгород, где работали художниками-реставраторами. О сестрах Гиппиус в Новгороде см.: *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти.

8. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

29.VI.1942

Lieber Alexei Michajlowitz!

Ich muss Ihnen in deutscher Sprache schreiben, was Sie gar nicht stören muss, mir in russischer Sprache zu antworten. — Ich habe Ihnen so lange nicht geschrieben, denn ich habe in Mai und Juni eine Änderung unseres Schicksals und unserer Adresse erwartet, denn man erwartete die Ankunft in unser Beobachtungslager einer Kommission aus Berlin, die den Entschluss über unser Schicksal nehmen musste; jetzt erwarten wir sie in Juli¹. Wie es sich nur etwas aufklären wird, werde ich es Ihnen sogleich mitteilen; vorläufig schreiben Sie nach früheren Adresse.

Ich möchte viele von Ihren Büchern lesen, besonders *Взвихренную Русь*², von dem ich gelesen und viel gutes gehört habe. Ich hoffe es einmal zu bekommen und dann werde ich es lesen.

Heute schreibe ich nicht mehr: В. Н. wollte noch an Serafima Pavlovna schreiben.

Mein innigster Gruss Ihnen und S. P.

Ihr R. Iwanow.

P.S. 2–VII–1942

Die Absendung meines Briefes ist verspätet; in diesem Postscriptum füge ich zwei Bitten meiner Barackennachbarn zu:

1. Wissen Sie nicht, wo sich jetzt *Sergius Makowskij* befindet und seine Adresse?³
2. Wissen Sie nicht Prozarowskij, Jurij Michailowitsch (geboren 1902) aus Zarskoje Selo, in Paris seit dem 1917 Jahre; zufälligerweise kennen Sie nicht auch seine Adresse?⁴

R. I.

Перевод:

29.VI.1942

Дорогой Алексей Михайлович!

Я должен писать Вам по-немецки, что никак не должно мешать Вам отвечать мне по-русски. Я так давно ничего не писал Вам, так как ожидал в мае и июне изменения нашей судьбы и нашего адреса, поскольку ожидалось прибытие в наш «наблюдательный лагерь» комиссии из Берлина, которая должна принять решение о нашей судьбе; теперь мы ожидаем ее в июле¹. Как только что-то выяснится, я тотчас сообщу Вам; а пока пишите мне по прежнему адресу.

Я хотел бы прочитать многие из Ваших книг, особенно «Взвихренную Русь»², о которой читал и слышал много хорошего. Надеюсь когда-нибудь ее получить и прочитать.

Сегодня больше не пишу: В. Н. хотела еще написать Серафиме Павловне.

Самый сердечный привет Вам и С. П.

Ваш Р. Иванов.

P. S. 2.VII.1942

Отправка моего письма задержалась; в этой приписке передаю две просьбы моих соседей по бараку:

1. Не знаете ли Вы, где сейчас находится *Сергей Маковский* и какой у него адрес?³
2. Не знаете ли Вы Прозаровского, Юрия Михайловича (родился в 1902 г.) из Царского Села, в Париже с 1917 года; не знаете ли случайно также его адрес?⁴

P. И.

Открытка. Автограф.

¹ Комиссия прибыла в Кониц только 25 июля.

² *Взвихренная Русь*. Париж: ТАИР, 1927; репринт. переизд.: London: ORI, 1979. ТАИР — акроним имен дочерей С. В. Рахманинова — Татьяны и Ирины, владельцев издательства.

³ *Сергей Константинович Маковский (1877–1962)* — поэт, искусствовед, литературный критик, в 1909–1917 гг. редактор журнала «Аполлон»; в эмиграции жил в Праге и Париже, активно участвовал в литературной жизни. См. его воспоминания «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1962) и «Портреты современников» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).

⁴ В собрании АИШ сохранилось несколько писем к Иванову-Разумнику с запросами о царскоселах, таким образом эмигранты пытались навести справки о родственниках в СССР. С другой стороны, как свидетельствует запрос в этом письме, попавшие в Германию или находившиеся на оккупированной территории старались разыскать родных в эмиграции. Так во время оккупации у Ремизовых возобно-

вилась переписка с дочерью в Киеве, и Ремизов имел возможность сообщить ей о смерти Серафимы Павловны. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Гл. «Наташа».

ЗК сохранила еще одну необычную заочную «встречу». 21 сентября Иванов-Разумник записал: «Получил посылку с двумя десятками великолепных груш». Далее следовало имя (A. Wisser) и адрес отправителя в Ольденбурге, а затем: «В посылке записка: “Im Auftrag und mit vielen Grüßen von Boris Michailowitsch <По поручению и с большим приветом от Бориса Михайловича. — Нем.>”. (?? кто такой??)». Загадка разрешилась, когда 23 сентября Иванов-Разумник получил письмо от *Бориса Михайловича Пинеса*, брата *Дмитрия Михайловича (1891–1937)*, библиографа, в свое время секретаря Вольфилы, в частности работавшего с Ивановым-Разумником над архивом Ф. Сологуба (см. наст. изд., приложение I, 3). На следующий день среди написанных писем отмечено «письмо к Б. М. Пинесу», а в первых числах ноября письмо от *Frau A. Wisser* и ответное письмо к ней.

9. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

16.VII.1942

Paris

Дорогой Разумник Васильевич,

Адрес Маковского С. К.: 9 Rue du Boccador, Paris VIII (О Прозаровском спрощу; в Париже нет адресного стола, ни «всего Парижа» с адре-

сами). Все жду Ваших статей в «Новом Слове». Прочитали «Воспоминания» Греча. В «Взвих<ренной> Руси» много опечаток. Потом «Оля» (IV ч<асть> не издана)¹. Не изданы: «Учитель музыки» (Стоглав)² и «Узлы и закруты» (Книга выйдет по франц<узски>, название другое: «Les yeux tondu» — «Подстриженные глаза»)³. Пишут тут сиволапо или точнее «куроляпкой», за двадцать лет столпотворения. — Да, есть еще книга «По карнизам»⁴, а «Ров львиный»⁵ так и не вышел. За два года удалось напечатать чудесным образом, в единственном журнале «Nouvelle Revue Française» два рассказа «Лунатики» и «Рассказы из четвертого измерения»⁶. Солнце повернуло на зиму, а времени все нет, нету возможности писать.

Серафима Павловна благодарит за письмо. И оба кланяемся Варваре Николаевне и Вам, Разумник Васильевич.

Алексей Ремизов.

Открытка. Автограф.

¹ *Оля*. Париж: Изд-во «Вол», 1927. Это издание включало два раздела: «В поле блакитном» (опубликовано отдельной книгой: Берлин, 1922) и «С огненной пастью». Книга «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952) включает разделы: «С огненной пастью» и «Голова львова». Третья часть «Сквозь огонь скорбей» — о последней болезни и кончине Серафимы Павловны.

² *Учитель музыки. Каторжная идилия* / Подгот. к печати, вступ. ст. и примеч. Антонеллы д'Амелия. Париж: La Presse Libre, 1983.

³ «Узлы и закруты» — название пролога к книге «Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти» (Париж: YMCA-Press, 1951). Французский перевод («*Les yeux tondu»*) Н. В. Резни-

ковой с предисловием Marcel Arland вышел в 1958 г. в изд. «Gallimard».

⁴ *По карнизам*. Белград, 1929.

⁵ «Ров львиный» — см. «Канавы» в: Ремизов А. М. Избранное / Сост. А. А. Данилевский. Л., 1991. До этого издания роман публиковался только в журналах («Плачущая канава»). См. историю публикации в примеч. к указ. изд. С. 590–591.

⁶ Глава «Лунатики» («*Les somnambules»*) из кн. «Подстриженными глазами» была напечатана в октябрьском номере 1941 г. «*La Nouvelle Revue Française*». «*Recits de la quatrième dimension»* («Голубая лисица» и др. сны из кн. «Подорожие», 1913; вошла в кн. «Мартын Задека», 1954): Там же. 1942. Июнь.

10. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

5.VIII.1942

Lieber Alexei Michajlowitsch!

Ihre Postkarte (vom 16/VII)¹ habe ich nur in diesen Tagen erhalten, — wir senden Ihnen unseren beiderseitigen «briefkartischen» Gruss, Serafima Pawlowna und Ihnen.

Mir läuft das Wasser im Munde zusammen von dem Durchzählen Ihrer mir unbekanntem Bücher. Hoffentlich werde ich das alles irgendeinmal durchlesen, — noch vor dem wie wir mit Ihnen in ein und derselben Zeitschrift mitarbeiten werden. Nun — wann wird das sein? Qui vivra — verra, wie die Franzosen sagen.

Nach der Veränderung unserer Lage (und Lager) und Adresse² — werde ich Ihnen einen grossen Brief schreiben; aber jetzt — ist unsere Adresse dieselbe und wir erwarten wie zuvor Ihre Briefe «in russischer Sprache». Es wäre sehr schön, einen grossen-grossen Brief — mit einer Erzählung über das ganz zwanzigjährige Leben — zu erhalten; einst würde er in alle Geschichten der russischen Literatur eintreten³.

B. N. und ich senden Serafima Pawlovna und Ihnen, Alexei Mihajlowitsch, unseren herzlichsten Gruss.

R. Iwanow.

Перевод:

5.VIII.1942

Дорогой Алексей Михайлович!

Вашу открытку (от 16/VII)¹ я получил только на этих днях, — мы шлем Вам наш взаимный «открыточный» привет, Серафиме Павловне и Вам.

У меня слюнки текут от перечисления Ваших, мне неизвестных книг. Надеюсь, когда-нибудь все это прочитать, — еще до тех пор, когда мы с Вами будем сотрудничать в одном и том же журнале. Но — когда же это будет? Qui vivra — verra <время покажет. — Фр.>, как говорят французы.

После изменения нашего положения (и лагеря) и адреса² — я напишу Вам большое письмо; а сейчас — наш адрес тот же, и мы ждем, как и прежде, Ваших писем «на русском языке». Было бы очень хорошо получить большое-пребольшое письмо с рассказом о всей двадцатилетней жизни; когда-нибудь оно вошло бы во все истории русской литературы³.

В. Н. и я шлем Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович, наш самый сердечный привет.

Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ См. письмо 9.

² Ивановы были переведены в лагерь в Штаргард только в конце февраля 1943 г.

³ Можно предположить, что письма с описанием жизни за последние 20 лет от Ремизова не последовало, так

как болезнь Серафимы Павловны и обстоятельства жизни военного времени не располагали к длинным отчетным письмам. Однако утверждать это с уверенностью невозможно, так как в собрании *АИШ* сохранились не все письма.

11. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

29.IX.1942

Lieber A<lexei> M<ichajlowitsch>!

Wir wohnen ebendasselbst und wie vorher erwarten wir Briefe von Ihnen und Serafima Pawlowna. Ohne Briefe ist es sehr traurig. Uns kann man in russischer Sprache schreiben, — eine Möglichkeit, die wir nicht haben.

Schreiben sie und vergessen Sie uns nicht!¹

Ihr R. Iwanow.

Перевод:

29.IX.1942

Дорогой А<лексей> М<ихайлович>! Мы живем там же и, как и раньше, ожидаем писем — Ваших и Серафимы Павловны. Без писем

очень грустно. Нам можно писать по-русски, — возможность, которой мы лишены.

Пишите и не забывайте нас!¹

Ваш Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ Неудачные попытки получить разрешение уехать из лагеря, в том числе и отказ комиссии, решение которой, как надеялись Ивановы, даст им возможность покинуть лагерь, создавали все большее чувство безнадежности и безвыходности их положения. К тому же с начала запрета отправлять письма из лагеря на русском языке (июнь — октябрь) переписка Иванова-Разумника значительно сократилась. Это свиде-

ние почти на нет контактов с внешним миром усугубляло подавленное состояние. 14 октября Иванов-Разумник записывает в ЗК: «Весь день бродили по лагерю, делать ничего не хочется, писать ничего не хочется, даже читать не хочется. Можем пойти в город, да и то не хочется. Писем не пишу, да и не получаем ниоткуда. Скучно жить на этом свете, господа». См.: Раевская-Хьюз О. Иванов-Разумник в 1942 году.

12. В. Н. Иванова — С. П. Ремизовой

29.IX.1942¹

Liebe Serafima Pawlowna!

Herzlichsten Dank für Ihre Einladung. Wie würden wir, mein Mann und ich, uns freuen, wenn wir zu Ihnen kommen könnten. Wir haben noch in Puschkin (fürher Zarskoje Selo genannt) von den deutschen Soldaten gehört: Paris wäre eine der schönsten Städte. Wir können es «wollen», aber das heisst nicht, dass wir es «können»: während des Krieges muss man beständig an Goethes Worte («Faust») sich erinnern: «Du glaubst zu schieben und du bist geschoben»².

Wir befinden uns schon den fünften Monat im Lager der kleinen Stadt Konitz und erwarten schon längst eine Kommission aus Berlin, die unsere Schicksal entscheiden muss. Aber schon im voraus kann man sagen: bevor der Krieg nicht endigt, kommen wir nicht nach Paris, obgleich wir so vieles einander zu erzählen hätten.

Sie fragten in Ihrem letzten Briefe, wie es unseren Kindern und meinen Nichten Олёнушке und Иринушке geht. Beide Nichten sind verheiratet,

und obgleich sie schon gar nicht jung sind (38 und 36 Jahre alt sind) hat eine jede von ihnen noch recht kleine Töchter; Irene — eine sechsjährige Nata-scha, und Helene eine Tochter von drei Jahren, ebenso «Олёнушка» genannt. Im vorigen Sommer hat meine Schwägerin mit beiden Töchtern und Enkelkindern ebenso der Schwiegertochter und ihrer Tochter, 7–8 Jahre alt, Moskau mitte Juli verlassen, nach Ural gefahren und dort sind sie aufs Land gekommen. Wir hoffen, sie werden da nicht verhungern. Der Mann von Helene ist ebenso alt wie ihr Vater, der Mann von Irene und mein Neffe sind beide mobilisiert und wir wissen nicht ob sie am Leben sind.

Was unsere Kinder anbetrifft, so ist mein Sohn schon im 1938 Jahre gestorben³, er lebte in der Provinz und wir haben uns sehr-sehr selten gesehen. Meine Tochter⁴ — 34 Jahre alt — lebte die ganze Zeit mit mir⁵, jetzt ist sie in Petersburg geblieben. Was mit ihr ist, wissen wir nicht. Die letzte Zeit, als der Krieg eingebrochen war, wurde sie als Radist (Funkler) mobilisiert und musste in der Stadt bleiben, einmal in 1–2 Wochen kam sie auf einige Stunden nach Hause; man musste die Abteilung evakuieren, aber ob es gelungen hat, wissen wir nicht. Vielleicht im Winter? Zum letzten mal war sie bei uns den 7/IX, ihre letzte Postkarte — von 10/IX, die wir den 13/IX erhielten — das war der letzte Tag, wo die Post noch arbeitete und den 17/IX — waren schon die Deutschen in unserer Stadt.

Unsere Tochter hat 2-jährige Kurse der Funkentelegraphie in dem Mari-netechnikum beendigt und war eine der ersten russischen Frauen, die als Fun-ker auf einem Motorschiff der Handelsschiffahrt diente. Fast zwei Jahre war sie in «weitläufiger Seefahrt» (радист «дальнего плавания») und schiffte aus Petersburg nach dem Schwarzen Meere. Im ganzen ist sie neun mal um den Gibraltar gefahren, auf jeder Fahrt war sie in Hamburg gewesen, mehrmals in Italien, in Genova (einmal fast drei Wochen) und in Napoli, fast einen Monat verbrachte sie. Solch eine Fahrt — hin und zurück — dauerte 3–4 Monate. Un-sere Tochter war gesund und froh gestimmt. (Die Korrespondenz — oft eine Postkarte nur mit dem Buchstaben «I.» — ging jetzt verloren.)

Das dauerte bis zur Verhaftung des Vaters, als sie ebenso verhaftet wurde und fünf Wochen (nur!) im Gefängnis verbrachte (Aus Petersburg wurden zwei von GPU nach Odessa geschickt, um dort vom Schiffe unsere Tochter zu holen). Nachdem wurde sie entlassen, ohne beschuldigt zu sein, und kehrte in den früheren Dienst zurück, aber nicht auf ein Schiff, sondern auf «Uferfunkentelegraph». Doch musste sie diesen Dienst verlassen, und die letzten sechs Jahre war sie auf dem Haupttelegraph. Dieser Dienst war schon

nicht interessant, nur zuweilen wie z. B. als die «Hinüberfliegen des Nordpols» stattfanden oder «Papanin»⁶ gerettet wurde (meine Tochter funkte mit dem Eisbrecher «Ermak» während eines Monats zwölf Stunden täglich, und doch war sie zufrieden mit dieser Arbeit). — So verging das Leben — die ganze Zeit im Dienste — meiner Tochter, meiner besten Freundin and Gehilfin.

Hier habe ich neue Arbeit: sie besteht in der Übersetzung der Briefe meines Mannes in die deutsche Sprache. Ob es mir gut gelingt, weiss ich nicht.

In diesem Jahre ist der Sommer recht kalt, nur die letzten drei Tage schien es: «der Sommer ist gekommen», und heute ist es wieder kalt und solch ein Wind — man könnte einen Wintermantel anziehen um zu spazieren und zu Hause den Ofen heizen.

Von den Schriftstellern, die in Russland diese Zeit waren, wird Ihnen mein Mann schreiben ein anderes mal. Und wenn wir von hier fortkommen, werden wir Ihnen sogleich unsere neue Adresse geben. Ich möchte sehr meinen Brief mit den Worten «Auf Wiedersehen» schliessen, denn wer weiss, vielleicht sehen wir uns ebenso unerwartet, wie wir nach Deutschland gekommen sind?!

Mit den innigsten Glückwünschen

Ihre *B. Iwanowa*.

Перевод:

29.IX.1942¹

Дорогая Серафима Павловна!

Сердечно благодарим за Ваше приглашение. Как бы мы с мужем радовались, если бы мы могли к Вам приехать. Мы еще в Пушкине (раньше называлось Царским Селом) слышали от немецких солдат, что Париж один из самых красивых городов. Мы можем этого «хотеть», но это не значит, что мы это «можем»: во время войны надо себе постоянно напоминать слова Гете («Фауст»): «Ты думаешь, что ты толкаешь, а толкают тебя»².

Мы находимся уже пятый месяц в лагере маленького города Коница и уже долго ждем комиссию из Берлина, которая должна решить нашу судьбу. Но уже вперед можно сказать: пока не окончится война, мы не приедем в Париж, хотя мы много могли бы рассказать друг другу.

В Вашем последнем письме Вы спрашивали о наших детях и моих племянницах Оленушке и Иринушке. Обе племянницы замужем, и, хотя они уже не молоды (38 и 36 лет), у обеих маленькие дочки; у Ирины — шестилетняя Наташа, а у Елены дочь трех лет, также названная «Оленушкой». Прошлым летом моя невестка с обеими дочерьми и внучками, а также со своей невесткой и ее дочкой, 7–8-ми лет, в середине июля покинули Москву, уехали на Урал и там осели. Мы надеемся, что там они не погибнут с голода. Муж Елены — возраста ее отца, муж Ирины и мой племянник — оба мобилизованы, и мы не знаем, живы ли они.

Что касается наших детей, то мой сын умер еще в 1938 г.³, он жил в провинции, и мы очень редко видались с ним. Моя дочь⁴ — ей 34 года — жила все время со мной⁵, сейчас осталась в Петербурге. Что с ней, мы не знаем. В последнее время, когда началась война, она была мобилизована как радист и должна была оставаться в городе, раз в 1–2 недели она приезжала на несколько часов домой; ее отделение должны были эвакуировать, удалось ли это, нам неизвестно. Может быть, зимой? В последний раз она была у нас 7/IX, ее последняя открытка — от 10/IX, мы ее получили 13/IX — это был последний день, когда еще работала почта, и 17/IX — у нас в городе уже были немцы.

Наша дочь окончила двухгодичный курс по радиотелеграфии в морском техникуме. Она была одной из первых русских женщин, служившей радисткой на пароходе в торговом флоте. Почти два года она была в «дальних плаваниях» (радист «дальнего плавания») и плавала из Петербурга в Черное море. Она девять раз обходила Гибралтар, в каждой поездке была в Гамбурге, много раз в Италии, в Генуе (однажды почти три недели) и в Неаполе провела почти целый месяц. Такая поездка — туда и назад — продолжалась 3–4 месяца. Наша дочь была здорова и радостно настроена. (Переписка — часто открытка только с буквой «И» — теперь пропала.)

Это продолжалось до ареста отца, когда она тоже была арестована и провела пять недель (только!) в тюрьме. (Из Петербурга двое из ГПУ были посланы в Одессу, чтобы там снять нашу дочь с корабля.) После этого она была выпущена без обвинения и вернулась на прежнюю службу, но не на пароход, а на береговой радиотелеграф. Но ей пришлось оставить и эту работу, и последние шесть лет она была на главном телеграфе. Эта служба была уж не так интересна, кроме, на-

пример, таких случаев, как перелет через северный полюс или спасение Папанина⁶ (моя дочь держала связь с ледоколом «Ермак» по двенадцать часов в день в течение месяца, но была довольна этой работой). Так прошла жизнь — все время на службе — моей дочери, моего лучшего друга и помощницы.

Здесь у меня новая работа: переводы на немецкий язык писем моего мужа. Не знаю, хорошо ли я справляюсь с этим.

В этом году лето просто холодное, только последние три дня было солнце: «пришло лето», а сегодня опять холодно и такой ветер — можно надевать зимнее пальто для прогулки, а в доме топить печь.

О писателях, которые это время оставались в России, напишет Вам мой муж в другой раз. И когда мы уедем отсюда, сразу же дадим Вам наш новый адрес. Я очень хочу закончить мое письмо словами «до свидания», потому что, кто знает, может быть, мы встретимся так же неожиданно, как мы попали в Германию?

С сердечными добрыми пожеланиями

Ваша В. Иванова.

Письмо. Автограф

¹ Вероятно, проставленная дата — это дата не написания, а отправления письма. Можно предположить, что письмо было написано летом в ответ на письмо С. П. Ремизовой от 18 мая (№ 5 в наст. изд.) — до приезда комиссии из Берлина 25 июля. Ср. упоминание пребывания в лагере пятый месяц, а также холодного лета.

² Не совсем точная цитата, следует: «und du wirst geschoben» (*Goethe J. W. Faust. Teil 1. Walpurgisnacht, l. 4117*).

³ Лев Разумникович. О сыне Ивановых А. З. Штейнберг, ученый секретарь Вольфилы, человек глубоко уважавший и ценивший Иванова-Разумника, сообщает следующее. Л. Р. Иванов попал в уголовную среду, в дальнейшем был арестован по уго-

ловному делу, сидел в тюрьме и в конце концов «оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии» (*Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). С. 108–110*). Последнее, однако, документально не подтверждается. См. также письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой: «Дорогая моя и любимая Варя...» / Публ. В. Г. Белоуса // *Минувшее*. 1998. № 23. С. 436 и 438.

⁴ Ирина Разумниковна после окончания войны несколько лет продолжала служить в Северном морском флоте и на Дальнем Востоке, затем получила возможность вернуться в Ленинград.

⁵ Начиная с ареста в 1933 г., Иванов-Разумник, когда был на свободе,

не имел постоянной прописки, и Варвара Николаевна оставалась в Царском Селе одна.

⁶ И. Д. Папанин в 1937–1938 гг. возглавлял первую дрейфующую станцию «Северный полюс».

13. Р. В. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

21.X.1942

Дорогой Алексей Михайлович,

Открытка Ваша шла 10 дней¹, но все же дошла, наконец; надеюсь поэтому, что и это мое письмецо доползет до Вас к ноябрю.

Хорошо бы, конечно, посидеть всем нам вместе в Вашей кукушкиной комнате², попить яблочного чаю, вспомнить старые времена и поговорить о новых. Но — «и близок рай, да дверь-то где?» — как сказано у Некрасова³. Так что о поездке нашей в Париж надо надолго еще отложить попечение. Пока что давайте хоть переписываться и не терять друг друга из вида. Впрочем Вы — человек оседлый, с постоянным адресом, а мы с Варв<арой> Ник<олаевной> — дубовые листки, оторвавшиеся от ветки родимой⁴, и куда занесет нас ветер — неведомо.

Вы спрашиваете о целом ряде людей, — а я некоторых из них давно уже потерял из вида (например С. Я. Осипова)⁵. Федин и Леонов оба жили в Москве, печатали свои романы (средние) и вообще стояли «в первых рядах литературы»*⁶. Алянский⁷ служил в Госиздате по иллюстративной части. Кто еще Вас интересует? Скитаясь по тюрьмам и ссылкам, я многих порастерял из вида, так как большинство знакомых шарахалось в кусты при встрече с «репрессированным» человеком. Исключений было мало.

Пришвин до 1937 года держался молодцом, писал мне в ссылку (в Саратов)⁸, но в «ежовские времена» (1936 и следующие) и он перепугался. Впрочем с конца <1>939 года мы с ним снова «восстановили знакомство»⁹.

Статью Вашу о Замятине¹⁰ не читал и не знаю, на что могла обидеться Людм<ила> Ник<олаевна>¹¹. Где она, кстати спросить? В Париже или где в иных местах? Удивляюсь Вашему сообщению, что Мих<аил> Ив<анович>¹², бывая в Париже, ни разу не заходил к Вам;

забыл «сиринские» времена. И напрасно забыл: «Сирин» не нанесет ущерба его памяти.

Вы пишете, что Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус «вспоминала» меня. Воображаю, как вспоминала! Я прочел здесь ее два тома «Живые лица» (очень мне понравились) и в статье о Блоке нашел себя, как «темную личность», «переметчика» и еще что-то в этом роде¹³.

Здесь я написал ответную статью — не о себе, а о Блоке¹⁴; занятно было бы, если бы Зин<аида> Ник<олаевна> могла ее прочитать! Да вряд ли придется. А о ней там много. Жалею ее: тяжкая судьба — одиночество в старости. А «Тата и Ната»¹⁵ приехали — и тоже, наверное, не могут приехать в Париж? И где теперь А. В. Карташев?¹⁶ Разметало всех нас, подлинно, как листья по ветру.

В последнем номере «Нового Слова» прочел бездарный рассказ Ив<ана> Шмелева¹⁷: уж лучше бы оставался «задушенным»!¹⁸ Кто еще из «старой гвардии» в Париже? Знаю только о Зайцеве и Берберовой, которые писали мне. Писал мне и Георгий Иванов откуда-то из-под Биаррица¹⁹.

Так вот, Алексей Михайлович, пишите и не забывайте. Серафиме Павловне наш двойной привет; вот поговорили бы за чаем, если бы удалось повидаться! Будем надеяться, что когда-нибудь это случится.

Gruss und Kuss! <Привет и поцелуй! — Нем.>

Р. Иванов.

---

* «раки на безрыбье»

Письмо. Автограф.

¹ Открытка Ремизова от октября 1942 г. в собрании АИШ не сохранилась.

² Кукушкина комната — кабинет Алексея Михайловича, названный по часам с кукушкой; место действия в «Мышкиной дудочке». См. также описание у Резниковой (Огненная память. С. 22–23) и Кодрянской (Алексей Ремизов. С. 12–13).

³ Не совсем точная цитата из Некрасова: «И рад бы в рай, да дверь-то где?» (Кому на Руси жить хорошо. Ч. 1. Гл. 2: «Сельская ярмонка»).

⁴ Использована первая строка стихотворения Лермонтова «Дубовый листок оторвался от ветки родимой» (1841).

⁵ Сергей Яковлевич Осипов — знакомый Ремизова с дореволюционных лет, сотрудник изд-ва «Шипов-

ник», а также заведующий редакцией изд-ва «Сирин»; в 1920-е гг. — сотрудник советского торгового представительства в Германии, помогал с переправкой за границу оставшихся в Петрограде рукописей и личных вещей Ремизовых.

⁶ *К. А. Федин* (1892–1977) и *Л. М. Леонов* (1899–1994) — писатели-прозаики.

⁷ *Самуил Миронович Алянский* (1891–1974) — издатель, основатель изд-ва «Алконост», издатель журнала «Записки мечтателей». См. о нем: *Белов С. В.* Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979.

⁸ *Ссылка в Саратов* — 1933–1936 гг., в кн. «Тюрьмы и ссылки», а также в письмах Иванов-Разумник, в связи со своей ссылкой, многократно обыгрывает слова Фамусова в предпоследней сцене последнего действия «Горя от ума», обращенные к Софье, с угрозой ссылки: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов».

⁹ Об отношениях Иванова-Разумника с Пришвиным см. примеч. 1 к письму 2 Ивановых Ремизовым и примеч. 6–13 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизовым.

¹⁰ Некролог «Стоять — негасимую свечу: Памяти Е. И. Замятина» опубликован в «Современных записках» (1937. № 64. С. 424–430); включен в кн. «Встречи». Ремизов был болен и на похоронах не был: «В пасмурное “петербургское” утро похоронили Замятина. Не пришлось проводить его на далекое кладбище <...> Но все казалось, я все вижу, и под дождем и ветром мне очень зябко, — я видел, как вынесли дощатый гроб <...> и увидел, по тесным мосткам между готовых уз-

ких могил — Иванов-Разумник, Постников и Пришвин: петербургские “Заветы”» (Встречи. С. 255).

¹¹ *Людмила Николаевна Замятина* (урожд. Усова, 1883–1965) — см. публикацию писем Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной (1906–1931): *Рукописное наследие Е. И. Замятина: В 2 ч. / Подгот. текста Л. И. Бучиной и М. Ю. Любимовой, предисл. и коммент. М. Ю. Любимовой.* СПб., 1997. (Рукописные памятники. Вып. 3). Ч. 1. С. 9–419. См. также: *Шерон Ж.* К судьбе зарубежного архива Е. И. Замятина // *De Visu.* 1994. № 3/4 (15). С. 73–74 (публ. писем 1946–1950 гг. Б. И. Николаевского к Л. Н. Замятиной). См. о Замятине примеч. 3 к письму 1 Постникова.

¹² *М. И. Терещенко* — см. примеч. 15 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

¹³ *Живые лица: В 2 т.* Прага: Пламя, 1925. В статье-воспоминаниях о Блоке, открывавшей первый том книги, Гиппиус писала: «Сомнений не было: Блок с ними. С ними же явно был и Андрей Белый. Оба писали и работали в “Скифах” — издательстве этого переметчика — не то левого эсера, не то уж партийного большевика — Ив<анова>-Разумника» (*Гиппиус З. Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 246). См. также вступ. статью.

¹⁴ См. вступ. статью к наст. изд., а также мою статью «Иванов-Разумник в 1942 году».

¹⁵ Сестры З. Н. Гиппиус. См. примеч. 18 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

¹⁶ *Антон Владимирович Карташев* (1875–1960) — богослов и историк Церкви. По окончании в 1899 г.

Петербургской Духовной академии оставлен при кафедре истории Русской Церкви, однако, начав заниматься публицистикой, должен был уйти из Академии, служил в Публичной библиотеке. (См. статью Ц. И. Грин в кн.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. С. 248–252.) В 1906–1919 гг. занимал кафедру истории религий и Церкви на Бестужевских курсах. Активный участник Религиозно-философских собраний, с 1906 г. председатель Религиозно-философского общества. В эти годы был особенно близок с Мережковскими и сестрами Гиппиус (см. его письма в: *Rachmuss T. Intellect and Ideas in Action. Из переписки З. Н. Гиппиус. Мюнхен, 1972. С. 648–712*). Как министр вероисповеданий Временного правительства Карташев открывал 1-й Всероссийский Церковный Собор в августе 1917 г. (Осип Манделштам посвятил Карташеву в 1917 г. стихотворение «Среди священников левитом молодым».) С 1920 г. в Париже. За границей занимался и общественной деятельностью (председатель Русского национа-

льного комитета, 1924–1940), и церковной. С основания Свято-Сергиевского Богословского института в 1925 г. Карташев преподавал в институте историю Церкви и Ветхий Завет. Автор многочисленных богословских и исторических трудов: «На путях к Вселенскому Собору» (1932); «Ветхозаветная библейская критика» (1947); «Очерки по истории Русской Церкви» (В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1959; 2-е изд. — М., 1992–1993); «Вселенские соборы» (1963; М., 1994) и др.; см. также «Церковь, история, Россия: Статьи и выступления» (М., 1996); автобиография Карташева: Вестник РХД. 1960. № 58–59. С. 60–61.

¹⁷ Рассказ Шмелева «От обезьяны» (Новое слово. 1942. 18 окт.). Опубликован под названием «Смешное дело» в журнале «Россия и славянство» (1932), а также в посмертном сборнике «Свет вечный» (Париж, 1968).

¹⁸ Ссылка на очерки Иванова-Разумника, печатавшиеся в «Новом слове», где он разделяет писателей в Советском Союзе на «погибших», «задушенных» и «приспособившихся». См. наст. изд., приложение I.

¹⁹ См. письма Зайцева, Берберовой и Г. Иванова в наст. изд.

14. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым

23.XII.1942

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Писал Вам ровно два месяца тому назад¹, но — безответно. Сегодня пишу, чтобы поздравить с наступающим Новым Годом, а после него и с нашим русским Рождеством².

Варвара Николаевна и я желаем обоим Вам бодрости душевной и здоровья телесного. Не забывайте нас, — авось когда-либо еще и увидимся.

Адрес прежний.
Сердечный привет!

Ваш *Р. Иванов.*

Открытка. Автограф.

¹ См. письмо 13 Иванова-Разумника Ремизову от 21 октября.

² В *СП* под 23 декабря перечислены рождественские и новогодние поздравления, среди них, кроме этой от-

крытки Ремизовым, открытки Зайцеву, Берберовой, Бему и Степуноу, а также письма Постникову, о. Иоанну Шаховскому и Артуру Лютеру.

15. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

17 марта 1943

Дорогой Алексей Михайлович,

переписка наша идет медленными шагами: на мою новогоднюю открытку¹ Вы ответили 11 февраля, а ответ этот я получил 28 февраля, как раз в тот самый день, когда мы (всем лагерем) переехали на новое местожительство². Пока мы утряслись и устроились — еще пол месяца прошло. Так-то оно: *Neu! Neu! Fugit irremparabile tempus!*³ — если вспомнить старую латынь. Время бежит, мы старимся, — когда-то свидимся?

Но вот прежде всего наш адрес:

Iwanow-Razumnik
Umsiedlungslager Konradstein
Anstalt. Haus II, Zimmer 20
Pr. Stargard (West Pr.)

Надолго ли он — Бог весть; предыдущий оказался в целый год длительностью. Во всяком случае пишите нам сюда, когда найдется время и желание.

Очень Вы меня удивили и порадовали известием, что Юргис⁴ жив и живет в Париже. Если знаете его адрес — сообщите, непременно ему напишу; а если встретите — сообщите мой адрес и передайте заочный привет. Вот кого бы я повидал с удовольствием.

А Серафиму Павловну и Вас надеемся не только «повидать», этого мало; хотелось бы начать разговоры «всерьез и надолго»⁵ — за все двадцать с лишним прошедших лет. Но пока длится война — нам пути в Париж заказаны, да и что нам делать в Париже? Вы, старожилы, имеете чем жить, да и то, вероятно, живется не легко. Впрочем — кому теперь легко живется? Время трудное, тяжелое, и не о легкости приходится думать, а лишь бы живу остаться. На Военно-Грузинской дороге была нависшая над шоссе скала; это место искони времен называлось: «Пронеси, Господи!» Экипажи старались проезжать потише и поскромнее. Вот и мы все теперь жизнестествуем под такой мировой скалой «Пронеси, Господи!», — а вот пронесет ли? Кстати сказать — скалы этой на Военно-Грузинской дороге уже нет: не так давно — сорвалась и полетела в пропасть, никого не задев. Мировое «Пронеси, Господи» тоже упадет, но сокрушив под собою миллионы. И лучшее пожелание в наши дни то, которым как-то обмолвился Пушкин, — этим пожеланием и заканчиваю свое письмо, — «постараемся быть живы»⁶.

Желаю этого Серафиме Павловне, Вам, и нам с Варварой Николаевной.

Привет сердечный от нас двоих Вам обоим, — пока заочный, а когда-нибудь и лично передадим его Вам на Буало.

Р. Иванов.

Письмо. Автограф.

¹ См. письмо 14 Иванова-Разумника Ремизовым.

² Переезд из Коница, где лагерь был расформирован, в Штаргард. См. наст. изд., приложение III.

³ «Бежит невозвратное время!» (Вергилий. Георгики. III, 284).

⁴ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) — литовский и русский поэт и переводчик. Сотруд-

ничал в альманахе «Северные цветы», журнале «Весы», много переводил. Сборники стихов: «Земные ступени» (1911), «Горная тропа» (1912). С начала 1920-х гг. — чрезвычайный посланник и полномочный представитель Литовской республики в РСФСР/СССР. В апреле 1939 г. вышел на пенсию и переехал в Париж, где после его смерти, трудами

вдовы (Марии Ивановны, урожд. Оловянишниковой, 1878–1948), вышла третья книга его стихов «Лилия и серп» (Париж, 1948). В 1967 г. в Вильнюсе были напечатаны его литовские стихи; сборник русских стихов «Дерево в огне», включающий избранные стихотворения из трех сборников, а также отдел «Из несобранного и неопубликованного», с комментариями Юозаса Тумялиса, вышел в Вильнюсе в 1969 г. (2-е изд., со вступительной статьей А. Туркова: Вильнюс, 1983). Балтрушайтис был одним из активных участников «Заветов». См. вступ. статью к наст. изд., а также его письма к В. С. Ми-

ролюбову и Иванову-Разумнику в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год» (Л., 1979), опубликованные Б. Н. Капелюш. См. также воспоминания о Балтрушайтисах Б. К. Зайцева «О любви (Балтрушайтис)» в книге «Далекое» (с. 144–148).

⁵ Это выражение Ленина в связи с введением НЭПа. См., напр.: «...Эту политику мы проводим всерьез и надолго, но <...> не навсегда» (IX Всероссийский съезд советов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1964. Т. 44. С. 310–311).

⁶ См. примеч. 5 к письму 3 Иванова-Разумника Ремизову.

16. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым

25.IV.1943

Христос воскрес! —дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! Оба мы поздравляем обоих Вас; будьте бодры и здоровы.

Получили ли Вы письмо, посланное более месяца тому назад (17 марта)?¹ Если получили — черкните, как живется? Очень скучно без писем.

Дружеский привет от обоих обоим.

Ваш Р. Иванов.

Поздравительная карточка, которая была вложена в конверт. Автограф. Приписана дата получения: 3.V.

¹ См. письмо 15 Иванова-Разумника Ремизову.

17. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

20.X.1943

Имение Данилишки

Дорогой Алексей Михайлович, пока это письмо дойдет до Вас — наступит вероятно уже и полугодовой день со времени кончины дорогой Серафимы Павловны¹, с которой так и не привелось нам встретиться. Приведется ли встретиться и нам с Вами? *На письма мои Вы не отвечаете — получили ли их?*

Вот уже три месяца, как мы живем в имении родственников на Литве (адрес — на обороте)² и проживем еще неопределенное время. Пишите — лучше всего заказным. Когда получу — напишу Вам большое письмо. Сегодня же посылаю открытки Б. К. Зайцеву и Н. Н. Берберовой, которые тоже совсем меня забыли³.

Варвара Николаевна кланяется; на могиле Серафимы Павловны вспомните и о нас.

Не забывают!

Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Приписана дата получения: 6.XI.

¹ С. П. Ремизова скончалась 13 мая 1943 г.

² «Frau N. Jankauskaite (für I.-R.). Ostland. Litauen. Kreis Kedahnen. Post

Surviliški. Gut Daniliški».

³ См. письмо 9 Иванова-Разумника Берберовой.

18. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

2-II-1944

Дорогой Алексей Михайлович,

очень я виноват пред Вами: так давно не писал, что и вспомнить не могу — когда. Не потому, чтобы мы забыли Вас и Серафиму Павловну (напротив, очень помним и часто вспоминаем), а потому, что жизнь теперь взвихренная, дни летят быстро, а время ползет медлен-

но. А вернее, может быть, наоборот: время летит быстро, а дни за днями ползут медлительно. Вообще, по Шекспиру — мир сошел с оси¹, и пока он не придет в порядок — не войдет в норму и время, не придем в порядок и все мы.

Вот и теперь: прожили мы месяцев 7–8 в деревне, у племянницы (она сама прилагает к моему письму свой листок; помнит, что в давние годы, когда она была девчонкой, Вы и Серафима Павловна прозвали ее «Пищик Иванович»²; теперь собираемся в путь и с середины марта наш адрес будет такой:

Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding³ (für I. R.)
Konitz (West Pr.), Denkmalsplatz 2
Deutschland

Сколько проживем там — обстоятельства покажут; но пока — пишите нам туда; очень будем ждать Ваших писем. — Сегодня же пишу в Париж и Н. Н. Берберовой, и Б. К. Зайцеву (от последнего только что получил письмо)⁴. Знаю из газет о том, что в Париже в первых числах января скончался Ю. К. Балтрушайтис⁵; вот и с ним не удалось по-видаться!

В грустном письме Вашем одно порадовало — это то, что Вы усиленно работаете. Всем нам не много осталось работать на свете, годы наши такие, и хорошо последние годы нашей жизни провести в труде «на память потомкам». Но авось — еще поживем, авось еще увидимся, и Вы прочитаете нам то, что писали эти годы.

А пока — оба мы обнимаем Вас и просим не забывать.

Ваш Р. Иванов.

Письмо. Автограф. Приписка Ремизова даты получения: 4.III.

¹ Кроме отсылки к «Гамлету»: «The time is out of joint» (Акт 1. Сц. 5. Строка 188), здесь, возможно, также ссылка на «Макбета»: «Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow, / Creeps in this petty race from day to day» (Акт 5. Сц. 5. Строки 19–20).

² Надежда Платоновна Янковская-Лилеева — дочь двоюродного брата Иванова-Разумника, Платона

Константиновича Янковского. В архиве Ремизова в Амхерст Колледже сохранилось письмо Н. П. Янковской-Лилеевой от 29 декабря 1932 г., присланное из Каунаса (до 1917 г. — Ковно) в Париж. В письме она напоминает Ремизову о себе 13 лет назад в Петербурге в связи с юбилеем М. В. Добужинского: «...Вспомните Троицкую 51 и Пищика Ивановича, дипломатиче-

ского курьера Обезвельволпала и всякие каверзы с поэтами и клубом “Вперед” к Асклепиадату Кепсариновичу Котову!!!», а также приглашает Ремизова приехать летом на отдых в Данилишки. Письмо подписано «Н. Янковская-Лилеева, она же Пищик-Иванович» (Вох 8. Folder 6. № 49). Приношу благодарность Amherst Center for Russian Culture и его директору Prof. Stanley Rabinowitz

за возможность ознакомиться с текстом этого письма.

³ Об *Олафе Вельдинге* (Olaf Welding) см. наст. изд., примеч. 1 к «Эпилогу».

⁴ Письмо Зайцева от начала 1944 г. в АИШ не сохранилось.

⁵ О *Ю. К. Балтрушайтисе* см. примеч. 4 к письму 15 Иванова-Разумника Ремизову.

19. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

26.II.1944

Данилишки

Дорогой Алексей Михайлович,

вдогонку большому письму, которое я и Пищик отправили Вам с неделю тому назад, пишу сегодня открытку, которая дойдет скорее и вернее, чтобы сообщить главный пункт закрытого письма: со второй половины марта наш адрес меняется, ибо наш литовский Urlaub <отпуск. — Нем.> закончился; наш адрес теперь будет:

Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I.R.)

5a Konitz (West Preussen), Denkmalsplatz 2

Будем ждать там Ваших писем; авось они будут доходить туда скорее, чем до нашей литовской деревенской глуши.

Сегодня — масленица; едим блины и вспоминаем старые времена!

Привет от Варвары Николаевны; не забывайте нас.

Ваш Р. Иванов.

<P.S.> Одновременно писал и Б. К. Зайцеву, и Н. Н. Берберовой.

Открытка. Помимо обычного «In russischer Sprache», добавлено «Ecrit en russe». Помета Ремизова после даты: 20.III.

20. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

7.IV.1944

Кониц

Дорогой Алексей Михайлович,

авось эта открытка моя дойдет до Вас к нашей Пасхе: Христос воскрес! Варвара Николаевна и я трижды целуем Вас и вспоминаем в эти дни Серафиму Павловну, через месяц уже и годовщина будет. На днях в старом томе «Современных Записок» прочел Ваш рассказ «Кран гиппопотама»¹, — как Вы встречали Пасху в Париже десять лет тому назад; как-то встречаете теперь? Там же прочел, что «Сны» Тургенева² вышли еще тогда же. Пушкин, Толстой, Лесков, Достоевский — большие клады снов, но не забудьте и Лермонтова³.

Поздравляю, что книгу кончили⁴; когда-то появится она по-русски! — Я за время сидения в Данилишках закончил по старым материалам целых четыре книги⁵, листов по 12 каждая, а Варв<ара> Ник<олаевна> перестукала их на машинке: вот и все возможности издания по нашему времени.

Из деревни я и Пищик написали Вам большое письмо, да не дошло, спасибо, что хоть открытка дошла⁶. Пишите нам сюда в Кониц, где мы пребываем с конца марта; комната отдельная, удобная и теплая; у хозяина квартиры библиотека большая; городок маленький и тихий, работать удобно.

Крепко помним Вас оба. Не забывайте и Вы нас.

Ваш Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ *Кран гиппопотама* // Современные записки. 1932. № 50. С. 96–112. Вошел в кн. «Учитель музыки».

² *Тридцать снов Тургенева* // Воля России. 1930. № 7/8. С. 580–623. Вошли в кн. «Огонь вещей» (Париж: Оплешник, 1954; 2-е изд.: Париж: YMCA-Press, 1977).

³ В кн. «Огонь вещей» включена страничка с пересказом «Сна» Лермонтова, где этот сон сравнивается со сном пана Данилы, видящего во сне сон Катерины в «Страшной мести» Гоголя, далее воспроизведен текст стихотворения Лермонтова. В свете напоминания Иванова-Разумника эту коро-

тенькую главку, «Сквозные глаза: Сон Лермонтова» (с. 137–138), вероятно, можно рассматривать как дар памяти критика, издателя и друга.

⁴ После смерти Серафимы Павловны Ремизов работал над двумя книгами — «Сквозь огонь скорбей» (вошла в кн.: В розовом блеске. 1952) и «Мышкина дудочка» (1953), последнюю автор назвал «интермедией». Время действия в обеих кни-

гах 1939–1944 гг., годы войны, болезни и смерти Серафимы Павловны. Глава «Мышкина дудочка» была напечатана в «Русском сборнике» (Париж, 1946. Кн. 1), где она помечена 1943 г.

⁵ О книгах Иванова-Разумника, написанных во время войны, см. вступ. статью.

⁶ См. письма 18 и 19 Иванова-Разумника Ремизову.

21. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

31-V-1944

Конец

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваше письмо получили 13 мая¹, в день памяти Серафимы Павловны, и поминали ее, и вспоминали Вас. Время бежит, нас не ждет, — как скоро год прошел! И не верится даже, что мы уже два с половиной года без отечества, — а Вы уже и все двадцать три года... Писал мне недавно Б. К. Зайцев, спрашивал — как я думаю, вернемся ли? Я ответил (вчера письмо послал) словами из Писания: «и покажах ю очесем твоим и тамо не внидеши»...² Это наша судьба.

Будем же последние дни и годы, кому сколько дано, работать на чужбине. Рад за Вас, что Вы много работаете, — как хотелось бы прочесть! Да не по-французски, а по-русски. Авось дождемся времени, когда можно будет печататься и на родном языке. Делаю эту попытку даже сейчас: издательство во Фрейбурге³ предложило издать две мои книги «Писательские судьбы» (10 печ. лл.) и «Тюрьмы и ссылки» (14 печ. лл.) сразу и по-русски и по-немецки. Послал, но не очень верю в возможность издания теперь, — до того ли!

Как странно читать в Вашем письме знакомые имена — Ольга Елисеевна⁴, Пелагея Ивановна...⁵ Тридцать лет от «Сирина» и от «Заветов» прошло — и мы все еще живы, после всего пережитого, — иной раз даже и не верится. Также странно получать письма от Сергея

Порфирьевича⁶ (мы с ним часто переписываемся), от Б. К. Зайцева, да и вообще от всех людей нашего поколения. Много ли нас однако осталось? И много ли еще останется до конца войны, которой конца не видеть?

Но — как сказал Пушкин — «постараемся быть живы». Этим общим пожеланием всем нам сегодня заканчиваю письмо. Не забывайте нас письмами и впредь, дорогой Алексей Михайлович; очень мы с Варварой Николаевной одиноки в безвестном городишке. Оба сердечно приветствуем и кланяемся.

Ваш Р. Иванов.

Письмо. Автограф. Помета Ремизова: 6.VI.

¹ Это письмо Ремизова в собрании АИШ не сохранилось.

² Цитата из пятой книги Библии (Втор., 34:4). Следующий (5-й) стих (в русском переводе): «И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню».

³ В списке издательств, перечисленных А. Ф. Лютером в его первом письме Иванову-Разумнику от 14 мая 1942 г., издательство во Фрейбурге не указано.

⁴ Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (1886–1964) — до середины 1920-х гг. жена В. М. Чернова. Ее

семья была дружна с Ремизовыми. Ее дочь, Н. В. Резникова, близкий друг, особенно в последние годы жизни Ремизова, переводчик его книги «Подстриженными глазами» на фр. язык (Les yeux tondu. Paris, 1958), автор воспоминаний о Ремизовых «Огненная память». О Черновых см. примеч. 26 и 27 к письму 6 Постникова.

⁵ Пелагея Ивановна Терещенко, сестра М. И. Терещенко, см. примеч. 15 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

⁶ С. П. Постников — см. его письма в наст. изд.